

УДК 332.143

DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-5

Соловьева Т.С.

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РЕГИОНАХ
РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр
Российской академии наук», Россия, 1600014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

e-mail: solo_86@list.ru

В связи с постоянно меняющимися условиями современной реальности мир сталкивается с необходимостью поиска эффективных инструментов решения общественных проблем. Одним из таких векторов является развитие социального предпринимательства, выступающего неотъемлемым элементом социальной экономики. Данный феномен появился на стыке некоммерческого сектора и традиционного предпринимательства, совмещая социальную миссию и стремление к получению прибыли. Социальное предпринимательство получило активное распространение во многих регионах мира, в то же время его становление характеризуется определенной территориальной спецификой. В связи с этим в рамках настоящей статьи анализируются масштабы и тенденции развития социального предпринимательства в регионах России. Информационную базу исследования составили материалы ведомственной статистики, социологических и экспертных опросов. Обозначены основные барьеры, препятствующие более активному расширению данного сектора. Выявлено, что при определенных положительных моментах в развитии социального предпринимательства в России, в частности, увеличения его масштабов и распространения на новые отраслевые ниши, сохраняется ряд проблемных аспектов: несовершенство нормативно-правовой базы; необходимость ежегодного подтверждения статуса социального предприятия; опасения организаций по поводу усиления контроля со стороны надзорных органов и повышения бумажной отчетности; низкая социальная активность населения; неуверенность граждан в том, что они могут повлиять на решения органов власти и т.д. Обозначена необходимость повышения эффективности уже существующих инструментов поддержки данного вида предпринимательства. Выявленные тенденции свидетельствуют о наличии потребности в корректировке современной государственной политики в направлении совершенствования институциональной среды для развития социального предпринимательства.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные инновации, регионы России, неравномерность развития, условия развития.

Информация для цитирования: Соловьева Т.С. Социальное предпринимательство в регионах России: ключевые характеристики и условия развития // Научный результат. Экономические исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 59-71. DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-5

Tatiana S. Solovyova

**SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE REGIONS
OF RUSSIA: KEY CHARACTERISTICS
AND CONDITIONS OF DEVELOPMENT**

Federal state budgetary institution of science «Vologda research center
of Russian academy of sciences», 56A Gorky St, Vologda, 160014, Russia

e-mail: e-mail: solo_86@list.ru

Abstract.

Due to the constantly changing conditions of modern reality, the world is faced with the need to find effective tools for solving social problems. One of these vectors is the development of social entrepreneurship being an essential element of the social economy. This phenomenon appeared at the junction of the non-profit sector and traditional entrepreneurship, combining the social mission with the desire to make a profit. Social entrepreneurship has become widespread in many regions of the world, at the same time its formation is characterized by certain territorial peculiarities. In this regard, this article analyzes the extent and trends of social entrepreneurship in the regions of Russia. The research is based on the materials of departmental statistics, sociological and expert surveys. The study outlines the main barriers preventing a more active expansion of the sector. The research reveals that alongside with certain positive aspects in the development of social entrepreneurship in Russia (an increase in its scale and expansion to new industry niches, in particular), there still exist a number of problematic dimensions: imperfection of the regulatory framework; the necessity to annually confirm the social enterprise status; concerns of organizations about greater control by supervisory authorities and increased paper reporting; low social activity of the population; citizens' uncertainty about their influence on the authorities' decisions, etc. The study indicates the necessity to increase the effectiveness of existing support tools for this type of entrepreneurship. The trends identified underline the importance of adjusting modern state policy towards the improvement of the institutional environment for social entrepreneurship development.

Keywords: social entrepreneurship; social innovations; regions of Russia; unevenness of development; development conditions

Information for citation: Soloveva T.S. "Social entrepreneurship in the regions of Russia: key characteristics and conditions of development", *Research Result. Economic Research*, 9(1), 59-71, DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-5

Введение

В последние десятилетия в мировой экономике происходят глубокие трансформационные преобразования. Это выражается, в частности, в процессах глобализации, международной экономической интеграции, сетевизации и регионализации и т.д. Данные тенденции и их последствия приводят к росту неопределенности и общей неустойчивости экономических трен-

дов [May В.А., 2018]. Аналогичные глобальные вызовы характерны и для Российской Федерации, на которые накладываются и внутренние специфические проблемы. Зависимость от сырьевого сектора, старение основных фондов, проблемы воспроизводства трудового потенциала и низкая производительность труда, снижение реальных доходов населения, проблемы инвестиционного и потребительского спроса

[Аганбегян А.Г., 2017; Ивантер В.В., 2018] – далеко не полный список факторов, ограничивающих темпы экономического роста России.

Происходящие экономические трансформации неизбежно сказываются и на социальном развитии. Социальная ориентированность экономики проявляется в удовлетворении социальных потребностей населения, повышении качества жизни. В данном отношении также имеются как традиционные проблемы, например, социальное неравенство, старение населения и бедность, так и появляются новые вызовы (цифровизация общественной жизни, эпидемиологический фактор, глобальная миграция и т.д.). В условиях дефицита государственного финансирования, неспособности государства обеспечивать население социальными услугами в полном объеме, возрастает роль негосударственных акторов в решении общественных задач. Органы власти привлекают коммерческие и некоммерческие структуры к заполнению имеющихся ниш, стимулируя конкуренцию и удовлетворяя существующий спрос. В результате различные акторы стараются найти эффективные решения существующих проблем. В качестве одного из таких инструментов в мировой практике широко используются социальные инновации как «новые идеи, которые удовлетворяют социальные потребности, создают социальные отношения и способствуют развитию новых форм сотрудничества» [European Commission, 2012].

Среди субъектов, иницирующих и реализующих социальные инновации, выделяются социальные предприниматели, действующие на пересечении предпринимательского и некоммерческого секторов. Они решают социальные проблемы, используя инновационные способы и методы, при этом сочетая социальный и рыночный интересы [Соловьева Т.С., 2022]. Социальное предпринимательство внесло весомый вклад в преодоление последствий

пандемии. К примеру, поскольку государственные системы здравоохранения были значительно перегружены, данный сектор взял на себя большой объем медицинской и социальной помощи, оказываемой населению. В частности, в Великобритании на долю социальных предприятий пришлось более 30% всех медицинских услуг по уходу за больными и социальных услуг [Social Enterprise, 2020]. В новых геополитических условиях, учитывая возможные негативные эффекты введения санкций [Капогузов Е.А., Чупин Р.И., 2022], роль социального предпринимательства в решении общественных проблем остается весьма значимой. Оно может восполнить пробелы государственной сферы и «помочь» справиться со многими проблемами рядовых граждан, которых, так или иначе, коснутся последствия санкционного давления.

В связи с этим целью настоящей статьи является анализ масштабов и тенденций развития социального предпринимательства в России. В работе использованы традиционные общенаучные методы (анализ и синтез, сравнение и обобщение), а также методы дескриптивной и аналитической статистики. Информационную основу исследования составили научные публикации по рассматриваемой тематике, данные государственной статистики, результаты социологических и экспертных опросов, проведенных ФГБУН ВолНЦ РАН и ЦИРКОН.

Основная часть

Основным источником данных о развитии социального предпринимательства в России является Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Согласно имеющейся информации, можно констатировать, что социальное предпринимательство в России набирает обороты (табл. 1). За период с начала официальной регистрации социальных предприятий их

количество возросло более чем в два с половиной раза. Наиболее высокие темпы развития наблюдаются в Северо-Кавказском федеральном округе, что обусловлено эффектом низкой базы. Самая большая концентрация социальных предприятий зафиксирована в Центральном и Приволжском федеральных округах, что отчасти связано с тем, что в их состав входит более значительное количество субъек-

тков РФ, чем в остальных макрорегионах. Стоит отметить существенную неравномерность развития рассматриваемого явления в разрезе федеральных округов: коэффициент вариации хотя и имеет тенденцию к снижению, но остается на высоком уровне. Тем не менее, наметился определенный тренд к конвергенции территорий по данному показателю.

Таблица 1
Количество социальных предприятий в разрезе федеральных округов РФ, 2020-2022 гг., ед.

Table 1

The number of social enterprises in the context of the federal districts of the Russian Federation, 2020-2022

ФО	2020	2021	2022	2022 к 2020 г., %
Северо-Западный	376	851	970	258,0
Центральный	843	1676	1830	217,1
Южный	157	564	624	397,5
Северо-Кавказский	25	146	155	620,0
Приволжский	523	1518	1613	308,4
Уральский	311	618	640	205,8
Сибирский	323	735	761	235,6
Дальневосточный	346	915	934	269,9
Всего	2904	7023	7527	259,2
Коэффициент вариации	62,9	53,6	54,3	-
Коэффициент осцилляции	2,253	1,743	1,780	-

Источник: данные ФНС РФ.

В то же время масштабы социального предпринимательства в России, по сравнению с развитыми странами мира, являются достаточно скромными. Так, в Европейском Союзе количество предприятий социальной экономики составляет порядка 2,8 млн, в Великобритании – более 417 тысяч, в Японии – более 200 тысяч, в Италии и Франции – более 100 тысяч [Borzaga С. et al., 2020; Hosomi S., 2018; Sharman A., 2017].

В региональном аспекте развития социального предпринимательства также отмечается весьма внушительная дифферен-

циация (табл. 2). В то же время усиления различий между регионами не происходит, о чем свидетельствует то, что значения коэффициента осцилляции значительно не меняются. На протяжении всего исследуемого периода субъекты-лидеры и субъекты-аутсайдеры по количеству зарегистрированных социальных предприятий практически неизменны. Максимальное число организаций функционирует в Московской области, минимальное – в Костромской области (за исключением Тамбовской области, где на 2022 г. социальные предприятия вообще отсутствуют).

Таблица 2
**Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по количеству социальных предприятий
 в регионах России, 2020-2022 гг., ед.**

Table 2

**Leading regions and outsider regions by the number of social enterprises
 in the regions of Russia, 2020-2022**

2020	2021	2022
<i>5 регионов-лидеров</i>		
Московская обл. (292)	Московская обл. (711)	Московская обл. (774)
ХМАО (201)	Респ. Башкортостан (347)	Респ. Башкортостан (391)
Респ. Башкортостан (194)	Нижегородская обл. (343)	Нижегородская обл. (343)
г. Москва (192)	ХМАО (296)	ХМАО (296)
Нижегородская обл. (165)	Приморский край (290)	Приморский край (290)
<i>5 регионов-аутсайдеров</i>		
Калужская обл.(0)	Респ. Тыва (9)	Респ. Тыва (9)
Костромская обл. (0)	Респ. Дагестан (8)	Респ. Дагестан (8)
Республики Сев. Кавказа (кроме Чеченской) (0)	Тамбовская обл. (7)	Респ. Ингушетия (7)
Респ. Калмыкия, Мордовия и Тыва (0)	Респ. Ингушетия (7)	Костромская обл. (5)
Ульяновская, Курганская обл., Еврейская АО (0)	Костромская обл. (3)	Тамбовская обл. (0)
Коэффициент вариации: 146,0	Коэффициент вариации: 118,4	Коэффициент вариации: 118,1
Коэффициент осцилляции: 8,547	Коэффициент осцилляции: 8,618	Коэффициент осцилляции: 8,741

Источник: данные ФНС РФ.

В целом во всех регионах страны (кроме Тамбовской области, где в 2020 году было 7 предприятий, а в 2022 не осталось ни одного) за рассматриваемый период масштабы социального предпринимательства выросли. Однако в ряде субъектов наблюдается ситуация, когда при увеличении данного показателя в 2021 году, в 2022-м он продемонстрировал снижение. Так, еще в 2021 г. Вологодская область была лидирующим регионом в Северо-Западном федеральном округе (168 ед.), а в 2022 г. количество социальных предприятий сократилось на 25% (126 ед.). Возможно подобное обстоятельство обусловлено решением некоторых социальных предприятий не подтверждать свой статус в силу различных причин, в частности, тем, что они не получили ожидаемых выгод от включения в реестр.

Также можно констатировать значительную дифференциацию количества социальных предприятий по регионам. Отставание более чем половины субъектов (даже без учета явных аутсайдеров – Тамбовской и Костромской областей, ряда республик Северного Кавказа и Сибири) от лидера – Московской области – достигает 12-50 раз. Тем не менее, динамика является позитивной, что говорит о том, что данный сектор на этих территориях развивается, хотя и недостаточно активно в сравнении с другими.

В основном в России с точки зрения правового статуса социальные предприятия представляют собой индивидуальных предпринимателей, численность которых в разы превышает количество юридических лиц (табл. 3). За период 2020-2022 гг. их контингент увеличился в 2,8 и 2,2 раза со-

ответственно. В плане размера предприятий доминируют микропредприятия, число которых возросло в 2,7 раза (2020 г. – 2657 ед.; 2022 г. – 6595 ед.). Данное обстоятельство, вероятно, обусловлено тем, что орга-

низациям небольшого масштаба гораздо легче попасть под требуемые критерии, в частности, необходимой доли работников, относящихся к категории социально уязвимых, и расходов на оплату их труда.

Таблица 3

**Основные характеристики социальных предприятий РФ
 в разрезе федеральных округов, 2020-2022 гг.**

Table 3

**Main characteristics of social enterprises of the Russian Federation in the context
 of federal districts, 2020-2022**

ФО	Правовой статус				Размер						Численность работников, чел.*	
	ИП		ЮЛ		Микро-		Малые		Средние		2020	2022
	2020	2022	2020	2022	2020	2022	2020	2022	2020	2022		
Северо-Западный	231	661	145	309	360	867	16	60	-	-	1268	3386
Центральный	450	1142	393	688	738	1566	98	175	7	17	6579	11734
Южный	116	474	41	150	147	552	10	34	-	6	430	2502
Северо-Кавказский	19	100	6	55	22	135	1	8	2	2	393	779
Приволжский	294	1046	229	567	477	1385	45	129	1	8	3091	9038
Уральский	240	484	71	156	293	574	18	36	-	1	911	2080
Сибирский	189	479	134	282	298	671	24	53	1	1	1599	2884
Дальневосточный	250	702	96	232	322	845	24	50	-	39	889	2047
Всего	1789	5088	1115	2439	2657	6595	236	545	11	74	15160	34450

Примечание: ИП – индивидуальные предприниматели, ЮЛ – юридические лица; микропредприятия – с численностью работников до 15 чел. и годовым доходом до 120 млн. руб., малые предприятия – с численностью работников от 16 до 100 чел. и годовым доходом до 800 млн. руб., средние предприятия – с численностью работников от 101 до 1500 чел. и годовым доходом до 2 млрд. руб. Также в 2022 г. 352 социальных предприятия, включенные в реестр, не являлись субъектами МСП.

*Реальная численность работников социальных предприятий РФ выше, так как далеко не все предприятия указали ее при регистрации.

Количество малых и средних социальных предприятий в России достаточно невелико (236 и 74 соответственно на 2022 г.), тем не менее, с 2020 г. их число увеличилось в 2,3 и 6,7 раз. Численность работников рассматриваемых организаций также растет (2020 г. – 15,2 тыс. чел., 2022 г. – 34,5 тыс. чел.). Однако данная

цифра представляется весьма условной, поскольку далеко не все предприятия указывали этот показатель при регистрации.

В контексте отраслевой принадлежности значительная доля социальных предприятий работает в сферах образования, здравоохранения и социальных услуг (табл. 4).

Таблица 4
Распределение социальных предприятий РФ по видам экономической деятельности, 2020-2022 гг., ед.

Table 4
Distribution of social enterprises of the Russian Federation by types of economic activity, 2020-2022

Раздел ОКВЭД-2014	2020	2021	2022	2022 к 2020 г., %
Образование	662	1864	2013	218,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	873	1824	1908	255,7
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	442	1168	1280	289,6
Обрабатывающие производства	237	577	606	304,1
Предоставление прочих видов услуг	158	446	474	271,1
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	152	380	412	216,3
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	80	158	173	230,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	61	147	164	148,6
Деятельность профессиональная, научная и техническая	65	138	150	263,8
Деятельность в области информации и связи	47	114	124	163,6
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	37	57	55	181,5
Транспортировка и хранение	33	53	54	300,0
Строительство	27	39	49	268,9
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	18	34	42	111,1
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	9	11	0	233,3
Деятельность финансовая и страховая	1	3	4	400,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	1	5	4	400,0
Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления	1	2	2	200,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0	2	2	-
Добыча полезных ископаемых	0	1	1	-
Всего	904	7023	527	218,6

Источник: данные ФНС РФ, ранжировано по 2022 г.

На третьем месте по популярности находятся культура, спорт, досуг и развлечения. Далее с отставанием почти в два раза – обрабатывающие производства,

прочие услуги, торговля и ремонт. Наименее распространена социально-предпринимательская деятельность в таких отраслях, как: добыча полезных

ископаемых, деятельность домохозяйств, государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение. При этом стоит отметить, что за период 2020-2022 гг. количество социальных предприятий увеличилось практически во всех отраслях экономической деятельности. Наиболее существенные темпы прироста, исключая страховую, финансовую деятельность и обеспечение электроэнергией по причине эффекта низкой базы, демонстрируют сферы обрабатывающих производств и транспортировки и хранения (порядка 3 раз). Наименее активно развивается социальное предпринимательство в сельском и лесном хозяйстве (111%), а также в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (149%), и операциях с недвижимым имуществом (182%). В общем и целом, отраслевая структура социального предпринимательства в рамках Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства соотносится с таковой согласно статистике конкурса «Социальный предприниматель», проводимого ФРСП «Наше будущее» [ФРСП «Наше будущее», 2020].

В разрезе федеральных округов в отношении сфер деятельности социальных предприятий отмечаются некоторые различия. Так, в Северо-Западном, Центральном и Сибирском макрорегионах с небольшим перевесом лидирует здравоохранение и социальные услуги, в то время как в остальных – отрасль образования. Не совсем «профильные» сектора (начиная от добычи полезных ископаемых до строительства и операций с недвижимым имуществом) гораздо менее распространены в рамках всех федеральных округов. Тем не менее, социальное предпринимательство в России расширяет свои границы и проникает во все новые сферы, в результате чего на 2022 год только один раздел ОКВЭД [Общероссийский классификатор, 2022] (деятельность экстерриториальных орга-

низаций и органов) оказался не охвачен данной категорией предприятий.

Необходимо отметить, что данные реестра МСП позволяют лишь примерно очертить масштабы развития социального предпринимательства в России, поскольку включение в него носит заявительный характер. Многие организации, ведущие социально-предпринимательскую деятельность, не могут попасть в данный перечень, так как не попадают под официально принятые критерии социального предпринимательства. Это касается как некоммерческих организаций, так и компаний из секторов, которые не обозначены в ст. 24.1 №209-ФЗ (введена Федеральным законом от 26.07.2019 №245-ФЗ), регулирующей поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере социального предпринимательства. На уровне регионов список сфер может быть дополнен, но далеко не все используют эту возможность. Кроме того, некоторые социальные предприниматели просто не подают заявки для внесения в реестр, опасаясь повышения нагрузки в плане бумажной работы, больших объемов отчетности и вероятности дополнительных проверок [Блажишина У., 2020]. Немаловажными причинами отказа от официальной регистрации также выступают недостаточный объем поддержки, непростая процедура включения в реестр, необходимость ежегодного подтверждения статуса «социального предприятия» и т.д. Как показывает практика, значимым барьером является и неинформированность организаций о том, что они могут претендовать на включение в реестр и получение соответствующей поддержки.

Сдерживает развитие сектора и низкая вовлеченность населения не только в социальное предпринимательство, но и в целом в решение общественно значимых проблем. Так, данные экспертного опроса, проведенного при поддержке ФРСП «Наше будущее» в конце 2020 года, пока-

зали, что вовлеченность и информированность населения о социальном предпринимательстве были весьма невысоко оценены экспертным сообществом [Социальное предпринимательство в России, 2021]. Опрос населения Вологодской области, проведенный ФГБУН ВолНЦ РАН в 2020 году, также выявил проблему низкого совместного участия жителей в решении социальных задач территории проживания (табл. 5). Так, 61% респондентов выразил

согласие с приведенным тезисом о слабой вовлеченности граждан в поиск ответов на общественные вызовы, непосредственно касающиеся их места жительства. Помимо этого, на ситуацию влияет и тот факт, что жители считают, что не в состоянии повлиять на состояние дел в своем городе, районе, области, стране в целом [Эффективность государственного управления, 2021].

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что в настоящее время есть проблема низкого совместного участия жителей в решении общественно-значимых вопросов вашего района?», %

Table 5

Distribution of answers to the question «Do you agree with the statement that there is currently a problem of low joint participation of residents in solving socially significant issues in your area?», %

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы (малые города)	Среднее по опросу
Не согласен	10,3	17,0	18,0	16,1
Скорее не согласен	23,5	21,8	23,0	22,9
Скорее согласен	40,8	38,7	36,2	37,7
Согласен	25,5	22,5	22,8	23,3

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Коллективные действия и социальный капитал», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2020 г.

Необходимо отметить, что пандемия COVID-19 также оказала значительное влияние на функционирование сектора социального предпринимательства. Ключевыми сложностями в данный период стали проблемы финансового обеспечения, связанные как с ростом затрат на средства индивидуальной защиты, так и с трудностями выплаты зарплаты, погашением аренды, а также исполнением налоговых обязательств. В новых условиях предприятия демонстрировали различные способы адаптации к происходящим изменениям: одни организации закрылись, другие – сузили масштабы своей деятельности, третьи – временно или на постоянной основе трансформировали текущие бизнес-модели, а некоторые – по причине роста

спроса продолжали работать в обычном режиме [Соловьева Т.С., 2021].

Поддержка социального предпринимательства в России осуществляется по нескольким направлениям (табл. 6). Они включают в себя широкий спектр инструментов, способствующих получению финансовой, имущественной, информационно-консультационной помощи. Также реализуются образовательные программы (как правило, краткосрочные), организуются различные мероприятия для обмена опытом в сфере социального предпринимательства, формируется соответствующая инфраструктура поддержки, популяризируется деятельность социальных предпринимателей.

Таблица 6

Основные направления поддержки социального предпринимательства в России

Table 6

Key areas of support for social entrepreneurship in Russia

Направление	Меры поддержки
Финансовое	Субсидии и гранты, целевые сертификаты, льготные кредиты, налоговые послабления, поручительство и т.д.
Имущественное	Льготная/безвозмездная аренда помещений и земельных участков/предоставление компенсаций
Образовательное	Семинары, тренинги, акселерационные программы, курсы, программы профессиональной переподготовки, программы профессионального образования и т.д.
Информационно-консультационное	Круглые столы, индивидуальные консультации, бизнес-наставничество, информация в СМИ и т.д.
Инфраструктурное	Услуги Центров инноваций социальной сферы, Центров «Мой бизнес», бизнес-инкубаторами, коворкингами, государственными гарантийными фондами, ресурсными центрами СО НКО и т.д.
Коммуникационное	Конференции, форумы, слеты социальных предпринимателей и т.д.
Имиджевое	Разработка каталогов социальных предприятий, организация выставочно-ярмарочной деятельности, социальная реклама, освещение в СМИ и т.д.

Источник: составлено автором.

Однако данные исследований свидетельствуют о том, что, несмотря на формально созданные условия для развития социального предпринимательства, многие механизмы работают недостаточно эффективно [Якимец В.Н., Никовская Л.И., 2019; Соловьева Т.С. 2021]. Особенно это касается получения финансовой поддержки, поскольку требования, предъявляемые к участию в конкурсах, являются достаточно высокими, и выполнить их под силу далеко не каждому социальному предприятию. Эксперты отмечают, что ключевыми проблемами для социального предпринимательства в России в настоящее время выступают: дефицит социальных инвестиций, неразвитость государственно-частного партнерства, отсутствие четкого имиджа социальных предприятий, сложности с получением кредитов в силу отсутствия залоговой базы и т.д. [Социальное предпринимательство в России, 2021]. В этой связи представляется необходимым дальнейшее совершенствование

экосистемы поддержки социального предпринимательства, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Заключение

Социальное предпринимательство выступает одним из важных инструментов, характеризующихся гибкостью и инновационностью подходов, позволяющих в условиях ограниченности ресурсов решать общественно значимые проблемы [Hein R., 2022; Unlocking the Social Economy, 2022]. Можно констатировать, что социальное предпринимательство в России находится в стадии активного развития, однако в разрезе регионов и макрорегионов это происходит неравномерно. Его масштабы растут, расширяется спектр сфер экономической деятельности, в которых функционируют социальные предприятия. Тем не менее, достаточно сложно оценить реальные масштабы рассматриваемого сектора, поскольку официальные данные имеют недостаток в виде добровольной регистрации социальных предприятий. К тому же мно-

гие работающие и фактически являющиеся социальными предприятиями организации не имеют статуса индивидуального предпринимателя/малого/среднего предприятия, и поэтому не могут претендовать на получение права называться «социальным предприятием», либо относятся к сфере, не включенной в список возможных в рамках законодательно установленных норм.

Несмотря на то, что диапазон механизмов поддержки достаточно существенен, как показывает практика, в ряде случаев он недостаточно эффективен. В этой связи социальным предприятиям необходима помощь различных заинтересованных сторон. Важным аспектом является дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы социального предпринимательства на федеральном и региональном уровнях в контексте расширения сфер охвата и направлений поддержки. Возможно включение показателей развития социального предпринимательства в качестве целевых в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Освобождение от налогообложения грантов, получаемых социальными предпринимателями, в рамках данной программы позволило бы не только улучшить их финансовое положение, но и привлечь больше новых субъектов к использованию этого инструмента. Также представляется целесообразным пересмотреть порядок получения государственной поддержки в контексте его упрощения, что позволит снизить бумажную нагрузку и временные затраты на вхождение в реестр социальных предприятий. Со стороны бизнеса значимым фактором выступает пересмотр восприятия социального предпринимательства как зоны корпоративной социальной ответственности на установление партнерских отношений, в т.ч. в контексте социального инвестирования.

Реализация обозначенных направлений будет способствовать как активизации создания новых социальных предприятий, так и содействовать развитию уже функ-

ционирующих проектов, и, как следствие, решению социально-экономических задач территорий.

Список литературы

1. Аганбегян А., 2017. Какой комплексный план до 2025 года нужен России? // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4: 8-29. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-01.
2. Блажчишина У., 2020. Почему социальные предприниматели не спешат подтверждать свой статус // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/08/25/reg-szfo/pochemu-socialnye-predprinimateli-nespeshat-podtverzhdad-svoj-status.html> (дата обращения: 16.10.2022).
3. Ивантер В.В., 2018. Механизмы экономического роста // Мир новой экономики. 2018. №12(3): 24-35. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-24-35.
4. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., 2022. «Санкции 2022»: возможности и ограничения реакционного регулирования со стороны российского государства // Вопросы регулирования экономики. 2022. №13(1): 67-74. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.1.067-074.
5. Май В.А., 2018. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017-2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. №3: 5-29. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-3-5-29.
6. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 21.06.2022) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. 2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 19.10.2022).
7. Презентация // ФРСИ «Наше будущее». 2020. URL: <https://www.nbfund.ru/upload/otchet2020/index.html> (дата обращения: 19.10.2022).
8. Соловьева Т.С., 2022. Социальное предпринимательство как проводник социальных инноваций в современной экономике // Вестник МИРБИС. 2022. № 2(30): 165-178. DOI 10.25634/MIRBIS.2022.2.17.
9. Соловьева Т.С., 2021. Решение проблем развития территорий в условиях пандемии COVID-19: роль социальных инноваций // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2021. №2 (37): 87-95. DOI: 10.21777/2587-554X-2021-2-87-95.

10. Соловьева Т.С., 2021. Регионы Северо-Запада России: анализ условий для реализации социальных инноваций // Регионоведение. 2021. Т. 29. № 4:768-793. DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.768-793.

11. Социальное предпринимательство в России: перспективы развития. Аналитический отчет по результатам опроса экспертов. ЦИРКОН. 2021. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/a9b/sotsialno-e-predprinimatelstvo-v-rossii-perspektivy-razvitiya.pdf> (дата обращения: 19.10.2022).

12. Эффективность государственного управления в оценках населения. Вып. 3(47). Вологда: ВолНЦ РАН, 2021: 59.

13. Якимец В.Н., Никовская Л.И., 2019. Поддержка социального предпринимательства: оценка механизмов и рейтинг регионов России // Социологические исследования. 2019. № 5: 99-109. DOI: 10.31857/S013216250004962-1.

14. Borzaga C. et al., 2020. Social enterprises and their ecosystems in Europe. Comparative synthesis report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 192 p.

15. European Commission «Annual Growth Survey» European Commission. 2012. URL: http://www.ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (дата обращения: 19.10.2022).

16. Hein R., 2022. Beyond a Balanced View of Social Entrepreneurship within a Social-Commercial Dichotomy: Towards a Four-Dimensional Typology. Sustainability. 2022. 14: 4454. DOI: 10.3390/su14084454.

17. Hosomi S., 2018. The Amagasaki Pilot Social Impact Bond in Japan – Participation of SMEs in Public Markets. European Journal of Public Procurement Markets. 2018. 1: 75-82.

18. Sharman A., 2017. There are 471,000 social enterprises in the UK, government report finds. Civil society. 2017. URL: <https://www.civilsociety.co.uk/news/there-are-471-000-social-enterprises-in-the-uk-government-report-finds.html> (дата обращения: 19.10.2022).

19. Social Enterprise and COVID-19. Social Enterprise UK. 2020. URL: <https://www.socialenterprise.org.uk/wp-content/uploads/2020/05/Social-Enterprise-COVID-19-research-report-2020.pdf> (дата обращения: 19.10.2022).

20. Unlocking the Social Economy. Towards an inclusive and resilient society. Insight

report. Geneva: World Economic Forum, Schwab Foundation for Social Entrepreneurship, Deloitte, 2022: 48.

References

1. Aganbegyan, A. (2017). What Package Plan up to 2025 does Russia need? // Ekonomicheskaya politika. 2017. Vol. 12. № 4. Pp. 8-29. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-01. (in Russian).

2. Blazhchishina, U. (2020). Why are social entrepreneurs in no hurry to confirm their status // Rossiiskaya Gazeta. 2020. Available at: <https://rg.ru/2020/08/25/reg-szfo/pochemu-socialnye-predprinimateli-ne-speshat-podtverzhdat-svoj-status.html> (Accessed 16 October 2022). (in Russian).

3. Ivanter, V.V. (2018). Mechanisms of Economic Growth // The world of new economy. 2018. №12(3). Pp. 24-35. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-24-35. (in Russian).

4. Kapoguzov, E.A., Chupin, R.I. (2022). «Sanctions 2022»: The impossibility and ban on regulation by the Russian state in a blow // Journal of Economic Regulation. 2022. №13(1). Pp. 67-74. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.1.067-074. (in Russian).

5. Mau, V.A. (2018). At the final stage of the global crisis: Economic tasks in 2017-2019 // Voprosy Ekonomiki. 2018. № (3). Pp. 5-29. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-3-5-29. (in Russian).

6. Order of the Rosstandart № 14-st dated 31 January 2014 «All-Russian classifier of economic activity types». ConsultantPlus. 2022. [Online], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (Accessed 19 October 2022). (in Russian).

7. Presentation. RSPF «Our Future». 2020. [Online], available at: <https://www.nbfund.ru/upload/otchet2020/index.html> (Accessed 19 October 2022). (in Russian).

8. Solovyova, T.S. (2022). Social entrepreneurship as a conductor of social innovation in the modern economy // Vestnik MIRBIS. 2022. №2(30). Pp. 165-178. DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.2.17. (in Russian).

9. Solovyova, T.S. (2021). Responding to challenges of territorial development in the face of the COVID-19 pandemic: social innovations' contribution // Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management. 2021.

№2 (37). Pp. 87-95. DOI: 10.21777/2587-554X-2021-2-87-95. (in Russian).

10. Solovyova, T.S. (2021). Regions of the North-West of Russia: analysis of the conditions for the implementation of social innovation // Regionology = Russian Journal of Regional Studies. 2021. 29(4). Pp. 768-793. DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.768-793. (in Russian).

11. Social entrepreneurship in Russia: development prospects. Analytical report on the results of a survey of experts. ZIRCON. 2021. [Online], available at: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/a9b/sotsialnoe-predprinimatelstvo-v-rossii-perspektivy-razvitiya.pdf> (Accessed 19 October 2022). (in Russian).

12. The effectiveness of public administration in the assessments of the population. № 3(47). Vologda: VolRSC RAS, 2021. 59 p. (in Russian).

13. Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. (2021). Support of Social Entrepreneurship: Evaluation of Mechanisms and Rating of Russian Regions // Sociological Studies. 2019. 5. Pp. 99-109. DOI: 10.31857/S013216250004962-1. (in Russian).

14. Borzaga, C. et al. (2020). Social enterprises and their ecosystems in Europe. Comparative synthesis report. Luxembourg: Publications Office of the European Union.

15. European Commission «Annual Growth Survey» European Commission. 2012. [Online], available at: http://www.ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (Accessed 19 October 2022).

16. Hein, R. (2022). Beyond a Balanced View of Social Entrepreneurship within a Social-Commercial Dichotomy: Towards a Four-Dimensional Typology. Sustainability. 2022. №14. P. 4454. DOI: 10.3390/su14084454.

17. Hosomi, S. (2018). The Amagasaki Pilot Social Impact Bond in Japan – Participation of SMEs in Public Markets. European Journal of Public Procurement Markets. 2018. №1. Pp. 75-82.

18. Sharman, A. (2017). There are 471,000 social enterprises in the UK, government report finds. Civil society. 2017. [Online], available at: <https://www.civilsociety.co.uk/news/there-are-471-000-social-enterprises-in-the-uk-government-report-finds.html> (Accessed 19 October 2022).

19. Social Enterprise and COVID-19. Social Enterprise UK. 2020. [Online], available at: <https://www.socialenterprise.org.uk/wp-content/uploads/2020/05/Social-Enterprise-COVID-19-research-report-2020.pdf> (Accessed 19 October 2022).

20. Unlocking the Social Economy. Towards an inclusive and resilient society. Insight report. Geneva: World Economic Forum, Schwab Foundation for Social Entrepreneurship, Deloitte, 2022. 48 p.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Соловьева Татьяна Сергеевна, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, (г. Вологда, Россия).

Tatiana S. Solovyova, researcher, Department of Living Standards and Lifestyle Studies, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia).